

Мясницкий Иван Ильич

Старообрядка

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Старообрядка: Роман / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
512 с.

ISBN 978-5-519-98467-6

ISBN 978-5-519-98467-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Слѣдомъ за отцомъ Тимоѳеемъ потянулись и остальные. Впереди шелъ старшій сынъ Перелѣскова—Трофимъ Акимовичъ, довольно полный мужчина лѣтъ сорока пяти, съ рѣдкою растительностью на блѣдно-сѣромъ лицѣ, изрытомъ оспою, и маленькими, хитрыми глазками, безпокойно бѣгавшими во всѣ стороны.

Рядомъ съ нимъ шла его жена въ темномъ сарафанѣ, покрытая платочкомъ, худая, болѣзненная женщина съ подозрительнымъ румянцемъ на впалыхъ щекахъ. Взглядъ ея голубыхъ глазъ то вспыхивалъ лихорадочно, то тускнѣлъ и заволакивался усталостью. Шла она неровною походкой и поминутно кашляла въ руку.

За нею слѣдовалъ шуринъ, братъ ея мужа, Петръ Акимовичъ. Несмотря на то, что ему шелъ уже тридцатый годъ, онъ все еще не былъ женатымъ и на всѣ уговоры отца отвѣчалъ, смиренно потупляя глаза въ землю:

— Папенька! Подождите еще годикъ! Ни одной дѣвицы въ совѣсть не нахожу... Возьмешь еще вотъ такую, какъ братецъ взялъ, больную да дохлую, самого со свѣту сживетъ-съ...

Старикъ сердился, но крѣпко неволить Петра не хотѣлъ. Поневолилъ, вонъ, старшаго, женилъ на комъ хотѣлъ, а она десятый годъ на ладонь дышетъ... хотъ-бы развязала что-ли руки... а то: ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ... И доктора лѣчатъ, и знахари всякіе, а пользы никакой...

И въ кого она такая вышла? Сватъ со сватьей—такіе здоровяки, что конца имъ не видать, а ужъ за семьдесятъ каждому перевалило... И въ роду у нихъ никого дохлыхъ не было: слава Богу, всю родню Бутениныхъ Перелѣсковъ знаетъ... И отцы, и дѣды торговались завсегда и въ знакомствѣ постоянномъ были. Вторая дочь Бутенина—кровь съ молокомъ баба: шесть лѣтъ всего за мужемъ, а ужъ восьмерыхъ дѣтей мужу принесла и съ каждымъ годомъ шире печи становится.

А эта какъ попала къ нимъ въ домъ, такъ и пошла чахнуть: и дѣтей нѣтъ, и здоровьемъ таетъ... Не ко двору, значитъ!

Хорошо еще, что у Трофима характеръ легкій и судьбѣ покорливый: на все, говоритъ, воля Божья, и супротивъ Бога итти невозможно!

А другой-бы, на его мѣстѣ, Богъ знаетъ что выкидывать пошелъ! И въ кутежи, и въ развратъ-бы впалъ, а онъ—ничего, какъ будто у него жена всѣхъ бабъ красивѣе да здоровѣе...

Петръ Акимовичъ—былъ прямая противоположность брату. Высокій, стройный, съ огневыми черными глазами, удивительно

нѣжнымъ цвѣтомъ лица и мягкими женственными манерами— онъ походилъ скорѣе на красную дѣвушку, чѣмъ на тридцатилѣтняго мужчину. Онъ и краснѣлъ, какъ женщина: вспыхнетъ отъ чего, такъ ужъ вспыхнетъ весь,—до корней волосъ, до замиранія сердца.

И лицомъ, и характеромъ онъ вышелъ въ покойную мать, которую схоронили года три тому назадъ.

Чудная была женщина Матрена Митрофановна: всю свою жизнь, до шестидесяти-пяти лѣтъ, она вѣрила людямъ, радовалась ихъ радостямъ, болѣла ихъ болью и умерла, сгорѣвъ въ какіе-нибудь пять дней, глубоко потрясенная своимъ собственнымъ горемъ и разочарованная въ своихъ лучшихъ вѣрованіяхъ.

Петръ Акимовичъ, единственный человѣкъ, знавшій причину смерти матери, послѣ ея кончины не выходилъ цѣлую недѣлю изъ своей комнаты и на всѣ просьбы отца и брата отвѣчалъ, что „если его не оставятъ въ покоѣ, онъ бросится въ рѣку“.

Отецъ зналъ хорошо, что Петръ былъ любимцемъ матери, что вся нѣжность ея души и сердца всегда отдавались ею одному только Петру, и оставилъ его въ покоѣ.

И когда Петръ вышелъ изъ своей комнаты—родные его не узнали. Это былъ не тотъ Петя, который боялся окриковъ старика-отца и всегда съ виноватою улыбкой выслушивалъ выговоры старшаго брата.

Изъ своего добровольнаго затворничества вышелъ совсѣмъ другой человѣкъ: приказанія отца онъ пропускалъ мимо ушей, а на пару словъ брата онъ бросалъ въ отвѣтъ цѣлые десятки самыхъ ядовитыхъ словъ.

— Какъ его смерть матери-то тронула, папенька, — говорилъ со вздохомъ Трофимъ отцу, — весь характеръ у Петра измѣнился.

— Оставь! — махалъ рукой отецъ, — пройдетъ время, уляжетъ ся боль, и того — въ свою колею человѣкъ взойдетъ!..

Но время проходило, а Петръ оставался все тѣмъ-же, какъ-кимъ и былъ; единственный человѣкъ, котораго всегда встрѣчала и провожала его добрая, ласковая улыбка, — была жена его брата Трифона.

Эта больная, „дохлая“ женщина, тянувшая съ большими усилиями свою жизненную канитель, давно уже своими страданіями пробудила въ Петрѣ симпатіи и заставила его смотреть на нее не какъ на бабу, жену брата, игрушку судьбы, а какъ на глубоко несчастнаго человѣка, у котораго есть все:

и душа, и сердце, и жажда жизни, нѣтъ лишь одного: силъ и здоровья.

Петръ лучше всѣхъ зналъ своего брата Трофима. Это былъ очень узенькій, очень черствый человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разнузданный по своей натурѣ. Онъ отлично велъ дѣла отца, былъ неумолимъ къ слабостямъ меньшей братіи, вѣчно покорливъ всякому, отъ кого зависѣлъ или кто ему былъ нуженъ, и дѣлалъ все, что требовала его разнузданная натура.

Дѣлалъ онъ это, надо отдать ему справедливость, умно: ни больная жена, ни старикъ-отецъ не знали его „способностей“, — ихъ зналъ только Петръ, но Петръ только презрительно по-сматривалъ на братца и тщательно оберегалъ свою симпатію отъ подозрѣній.

— Устали вы за службой, Марья Петровна?—съ ласковою улыбкой спросилъ Петръ Акимовичъ, поровнявшись съ женой брата.

— Устала, Петръ Акимовичъ!—отвѣтила откровенно та, бросая на шурина благодарный взглядъ.—Ужъ очень батюшка тянулъ...

— Отецъ Тимоѳеѣй любитъ тянуть... и пѣвцы тянули... Вы-бы послѣ чаю прилегли, Марья Петровна...

— Благодарствуйте... непременно прилягу.. да мнѣ сичасъ и легче стало... ужъ очень въ нашей моленной душно.

— Накурили черезчуръ... У меня и то голова разболѣлась... а я человѣкъ совсѣмъ здоровый...

Ихъ догнали два знакомыхъ купца, бывавшихъ всегда на моленіи у Перелѣсковыхъ, и стали справляться о здоровьѣ у Марьи Петровны.

Петръ отсталъ и вернулся пригласить къ чаю пѣвцовъ, приходившихъ обыкновенно пѣть съ Рогожскаго кладбища. Одинъ изъ нихъ, Семень, былъ мрачнаго вида мужчина, съ большимъ животомъ и очень маленькими глазами, заплывшими жиромъ. Его прямые, жесткіе волосы, раскинутые по обѣимъ сторонамъ пробора, блистали отъ усиленнаго смазыванья масломъ и при каждомъ поклонѣ свѣшивались на виски, а нервно вздрагивавшія ноздри крупнаго, подозрительной красноты, носа, какъ у хорошей гончей собаки, постоянно нюхали воздухъ и, смотря по впечатлѣнію отъ запаха, заставляли его губы иди распускаться въ довольную улыбку, или непріятно съеживаться.

Второй, Порфирій, небольшого роста, юркій мужчина, весь горѣлъ удовольствіемъ и, кажется, искалъ самаго ничтожнаго

повода, чтобъ расхохотаться и показать всѣмъ свои изумительно бѣлые, крупные зубы.

Пощипывая свою рѣденькую бородку, онъ наклонился къ Семену, чтобы рассказать ему что-то смѣшное, какъ былъ остановленъ Петромъ Акимовичемъ, пригласившимъ ихъ пить чай въ столовую.

Оба пѣвца поклонились въ поясъ сыну хозяина и произнесли въ одно слово:

— Спаси, Христосъ!

— По стакашику-бы сейчасъ хорошо, да съ икорочкой-бы... А?—шепнулъ, смакуя губами, Семень на ухо товарищу.

— Душеспасительно... Ха-ха-ха!—отозвался тотъ, одергивая свой кафтанчикъ, уже начинавшій лосниться отъ времени.— Батюшка Тимоѳеѣ здѣсь, ничего не выйдетъ!

— Что-жъ, что Тимоѳеѣ!—проговорилъ мрачно Семень.— Не владыка, чай... Онъ и самъ мадерѣ-то спуску не дастъ!..

— Ну, вотъ мадеру и поставятъ... Шутъ-ли въ ней толку-то...

— А ты рюмку пошире выбирай...

— Ха-ха-ха! И то вѣдь...

Пѣвцы догнали остальныхъ и вошли въ столовую, гдѣ, двигая стульями, размѣщались хозяева и гости.

За самоваръ сѣла Марья Петровна и, подавляя кашель, стала разливать чай.

Отецъ Тимоѳеѣ, бросивъ свирѣпый взглядъ на пѣвцовъ, умильно смотрѣвшихъ на бутылку мадеры, подвинулся къ хозяину, подставлявшему своему іерею вазочки съ вареньемъ.

Петръ подсѣлъ къ Марьѣ Петровнѣ, а Трофимъ, усадивъ всѣхъ, вышелъ изъ столовой съ какимъ-то приказаніемъ.

— Трофимъ Акимовичъ, тамъ васъ женщина дожидается,—доложила ему смазливая бабенка, обдавая хозяйскаго сына игривою улыбкой.

— Какая еще тамъ женщина?—недовольнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Изъ Гуслицъ женщина... въ куфаркахъ у васъ допрежде служила... Агаѳья...

— Помню. На погорѣлое, что-ль?

— Нѣтъ, по своему дѣлу... внизу она, у конторы, дожидается.

Трофимъ Акимовичъ подумалъ съ минуту, затѣмъ спустился внизъ, прошелъ длинный корридоръ и очутился въ конторѣ, гдѣ, сидя за конторкой, дремалъ мальчуганъ.

— Васютка! Баба тамъ... изъ Гуслицъ,—крикнулъ онъ вскочившему мальчику,—Агаѳья... позови ее сюда.

— Сейчас-съ!..

Мальчуганъ вылетѣлъ и минуту спустя впустилъ въ контору толстую бабу, укрытую платками разныхъ размѣровъ.

— Батюшка, Трофимъ Акимовичъ, здравствуйте, — заговорила та, кланяясь, — все-ли въ добромъ здоровьѣ?.. И простите вы меня, старую, что беспокою васъ безо время, да дѣло наше сиротское, а акромя васъ не къ кому.

— Здорово, Агаѣя... что тамъ у тебя? Несчастье какое, али что?

— Богъ милостивъ. Внучку я свою привезла... Ужъ вы не оставьте, Христа ради! Грамотѣйка она у меня, а матери нѣту... осенью померши... возьми ты ее въ читалки, и пошли тебѣ Господь за это...

— Да у насъ есть ужъ...

— А вы Бога для. Сама въ Москву желаетъ, потому по книжному она ретива...

— Не знаю, право, Агаѣюшка... Скажу отцу, а тамъ... Да гдѣ она у тебя?..

— А тутъ за дверью вотъ, — встrepенулась баба и, отворивъ дверь, крикнула: — Настюшка, взойди сюды!

Въ контору вошла высокая, стройная дѣвушка лѣтъ восемнадцати, покрытая сѣрымъ теплымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались бѣлокурые волосы.

— Кланяйся, Настюшка, — учила ее баба, сморкаясь въ конецъ головного платка, — это Трофимъ Акимычъ, твой благодѣтель...

Настюшка отвѣсила поясной поклонъ и вскинула свои большіе темносиніе глаза на хозяйскаго сына... Ея лицо вспыхнуло, и на полныхъ, красныхъ, какъ малина, губахъ, заиграла лукавая улыбка...

— Экая красота! — чуть не вслухъ проговорилъ растерявшійся Трофимъ Акимовичъ, — избави насъ отъ лукаваго!..

II.

А „красота“ стояла противъ Трофима Акимовича, не сводя съ него бархатныхъ очей, и какъ-будто ждала, что онъ еще про нее подумаетъ...

— Да, да... такъ вотъ-какъ, — проговорилъ тотъ, оправляясь отъ смущенія, — разумѣешь, значить, службу-то?..

— Горазда, батюшка, Трофимъ Акимычъ, — отвѣтила за дѣвушку баба, съ гордостью смотря на внучку. — Оченно ее

нашъ отецъ Левонтій одобряетъ... Ужъ не оставьте вы насъ, сиротъ, спаси васъ Христосъ...

— Право, не знаю,—задумчиво проговорилъ Трофимъ Акимовичъ, окидывая снова стройную фигуру внучки кухарки пристальнымъ взглядомъ. — Попрошу отца...

— Ужъ сдѣлай такую божескую милость, заставь за себя вѣчно Бога молить, — кланялась баба въ поясъ. — Я бы и сама долѣзла до старичка-то твоего, да, сказываютъ, не совсѣмъ себя въ добромъ здоровѣи чувствуетъ...

— Прихварываетъ, Агаѣюшка, прихварываетъ! — съ улыбкой отозвался тотъ. — Годы, знаешь, свое берутъ...

— Да, что ужъ, батюшка... Вѣстимо, дѣло не молодое... Я годовъ на десятокъ моложе Акима Спиридоныча, и то нѣтъ-нѣтъ, да и скопытишься... То въ одномъ мѣстѣ ломить, то въ другомъ... Наше дѣло съ имъ такое сичасъ: болѣтъ да старыя грѣхи замаливать...

— Ну, какіе у васъ грѣхи были! — снова усмѣхнулся Трофимъ Акимовичъ и посмотрѣлъ на Настюшку, которая, засунувъ руки въ рукава своего шугая, осматривала съ любопытствомъ обстановку конторы.

— Не скажи, Трофимъ Акимовичъ, всѣ мы люди, всѣ чело вѣщцы... Что ступилъ—согрѣшилъ,—единъ Богъ безъ грѣха,—проговорила баба со смиреніемъ. — Безъ прегрѣшенья, старые люди сказываютъ, нѣтъ и спасенья... Такъ я ужъ на тебя, батюшка, въ надеждѣ насчетъ Настюшки-то... Хотѣла я ее свести къ тетущкѣ твоей, Степанидѣ Спиридоновнѣ, да, сказываютъ, плоха больно: не нонѣ — завтра Богу душу отдастъ...

— Плоха, плоха... Нѣтъ, отчего-жъ, я попрошу отца... Маремьяна у насъ, вотъ, слѣпнуть стала, такъ что папенька, вѣроятно, ее на покой въ келью на Рогожское отправить...

— Вотъ, вотъ, батюшка... Слышала я отъ вашей прислуги, что самъ-то Маремьяной недоволенъ...

— Ты у насъ остановилась?

— У васъ, у васъ... Ужъ дозвольте, покуда я Настюшку-то не приспособлю...

— Оставайся... на кухнѣ у насъ мѣста много...

— Спаси Христосъ, батюшка! Ужъ ты не изволь беспокоиться, найдемъ гдѣ приткнуться. Кланяйся, Настюшка, Трофиму Акимычу...

— Не надо... не надо, — махнулъ тотъ рукой, поднимаясь со стула. — Можетъ, отецъ, захочетъ тебя повидать, такъ ты не отлучайся на всякій случай...

— Слушаю, батюшка... Да куда намъ по экому морозищу, мы рады-радешеньки, что въ тепло попали...

Трофимъ Акимычъ прошелъ ~~у~~ разступившихся Агаѣи со внучкой и торопливо поднялся кверху.

Онъ засталъ всю компанію за чаепитіемъ и внимавшую въ почтительномъ молчаніи разглагольствовавшему отцу Тимоѣю. Всѣ его слушали со вниманіемъ, за исключеніемъ Петра, который, нагнувшись къ самому уху Марьи Петровны, просилъ ее посмотреть, какъ у пѣвца Семена дрожали руки, да Порфирія, набравшаго въ ротъ чаю, чтобы не расхотаться на своего лже-попа, украсившаго бороду малиновымъ вареньемъ. Отецъ Тимоѣей говоритъ былъ не мастеръ: онъ часто запинаясь, вставлялъ не идущія къ дѣлу слова, топтался долго на одномъ мѣстѣ и возвращался назадъ, какъ - будто ища потерянную нить разсказа; этимъ, впрочемъ, онъ не смущался, ибо отлично зналъ, что какъ-бы онъ плохо ни говорилъ, его у Перелѣсковыхъ всегда со вниманіемъ выслушиваютъ и ни однимъ жестомъ не выкажутъ порицанія. Это не то, что у Шубейкиныхъ, гдѣ самъ глава семейства, нахватавшись письменной и книжной премудрости, могъ всегда переспорить не только его, скромнаго и малограмотнаго лже-попа, но даже „самого-лжевладыку“, который, разумѣется, отзывался о Шубейкинѣ неодобительно.

— Пустозвонистъ того... пустозвонистъ, — говорилъ онъ при случаѣ, но „пустозвонистаго“ побаивался и отъ всякихъ съ нимъ споровъ и бесѣдъ уклонялся. Отецъ Тимоѣей, подобно своему лже-архіерею, не долюбивалъ Шубейкина и ѣздилъ къ нему поневолѣ: Христа славить да Пасху пѣть.

Надо было жить, а опредѣленнаго жалованья у старообрядческихъ лже-батюшекъ не было; правда, у cadaго были свои приходы и моленныя, въ которыхъ они украдкой и съ опаской совершали службы, но доходы отъ этихъ приходовъ не всегда были одинаковы, — иной годъ густо, а иной и пусто, а семьи были у всѣхъ и семьи не малыя... Поневолѣ приходилось ѣздить по большимъ праздникамъ по чужимъ приходамъ къ именитымъ старообрядцамъ и „выславливать“ трешницы и пятишницы.

Вслѣдъ за лже-батюшками ѣздили и пѣвцы съ Рогожскаго кладбища, и ихъ гулкiе голоса хоть на нѣсколько минутъ вносили жизнь въ обыкновенно пустующіе покои именитыхъ купцовъ, издавна привыкшихъ къ тишинѣ и однообразію жизни.

Столовая, спальня, контора — единственныя комнаты, которыя можно было назвать жилыми; остальные, зачастую обшир-

ные и веселые своей виѣшностью покои открывались только въ торжественные дни, а этихъ дней въ году было такъ мало, что отъ старой пыли до ноября — проходили цѣлые мѣсяцы.

Наглагольствовавшійся всласть отецъ Тимоѣей, наконецъ, поднялся со стула и, повернувшись къ углу, сталъ истово креститься на образа.

Его примѣру послѣдовали и остальные. На минуту воцарилась тишина. Въ воздухѣ замелькали быстро склоняемые головы и руки, поспѣшно творившія крестное знаменіе.

— Спаси Христосъ! Прощенья просимъ! — проговорилъ лже-батюшка Тимоѣей, троекратно прикладываясь грудью къ груди хозяина и касаясь подбородкомъ его плечъ.

Пѣвцы, отдавъ хозяевамъ каждому отдѣльно по поясному поклону, поплелись за своимъ лже-попомъ, котораго провожала до самой передней вся семья Церелѣсковыхъ.

Трофимъ Акимовичъ помѣщался съ женой внизу, недалеко отъ конторы.

Помѣщеніе его состояло изъ двухъ комнатъ: полутемной спальни, выходившей своимъ единственнымъ окномъ въ садъ, заросшій вязами и тополями, и небольшой гостиной, гдѣ Марья Петровна принимала своихъ рѣдкихъ гостей.

Петръ занималъ одну комнату на противоположномъ концѣ дома, помѣщавшуюся рядомъ съ „молодецкой“, и былъ очень доволенъ тѣмъ, что онъ жилъ такъ далеко ото всѣхъ, что его никогда почти никто не беспокоилъ своимъ посѣщеніемъ. Исключеніемъ была Марья Петровна, да и та, пріотворивъ дверь его помѣщенія, разговаривала съ нимъ, не входя въ комнату. Петръ и не приглашалъ ее никогда. Комнатка была узка и мала; въ ней едва уставлялась постель, отгороженная отъ двери ширмочкой, обитой давно выцвѣтшимъ кумачемъ, маленькій столикъ съ двумя стульями и небольшой умывальный тазъ съ мѣднымъ, всегда ярко вычищеннымъ кувшиномъ. Окно, у котораго помѣщался столикъ, выходило въ переулокъ, переулкa, впрочемъ, совсѣмъ не было видно за высокимъ заборомъ съ ошетинившимся отъ гвоздей гребнемъ. Отъ забора ложилась густая тѣнь на стѣну дома, и въ комнатѣ Петра, такъ-же, какъ и въ комнатахъ его брата, царилъ всегда полумракъ.

Къ этой темнотѣ онъ привыкъ уже давно; съ пятнадцати лѣтъ живетъ онъ въ этой комнаткѣ, уходя на день въ контору и въ городъ, а въ свободные часы, не зажигая огня, любить полежать на своей жесткой, холостой постели и помечтать...

О чемъ?

Прежде Петръ мечталъ о томъ, отчего у него нѣтъ крыльевъ. Полетѣлъ-бы онъ въ невѣдомыя страны и государства, посмотрѣлъ бы, какъ чужеземные люди живутъ, какому Богу молятся и какъ на правду и совѣсть они смотрятъ, такъ - ли, какъ онъ, Петръ, или совсѣмъ по особенному. Залетѣлъ - бы онъ по дорогѣ въ Бѣлую-Креницу и поклонился-бы въ ноги Амвросію, тому самому Амвросію, который на всю старообрядческую Россію лже-„владыкъ“ ставитъ... Видѣлъ онъ его портретъ у отца, и очень онъ ему „показался“: добрый, должно быть, и большой ревнитель отеческихъ преданій...

Шли годы, и мечты о полетахъ къ Амвросію улетѣли невѣдомо куда.

Онъ мечталъ ужъ не о томъ, кто какимъ перстомъ молится, а о томъ, по правдѣ ли люди живутъ, или совѣстью своею играютъ, какъ онъ мальчишкой въ бабки игрывалъ...

Братъ, вонъ, Трофимъ развѣ по правдѣ живетъ? У него жена, а онъ,—самъ Петръ своими глазами видѣлъ,—съ читалками заигрываетъ да возню съ ними поднимаетъ.

Хорошо, что Марья Петровна не видитъ этого и не знаетъ, а что если-бы узнала? Душа у ней, словно стеклышко, чистая, а сердце только на добро одно создано... Не выдержитъ она неправды Трофима и ухлопаетъ себя преждевременно... И такъ ужъ въ ней чуть душа держится, Богъ вѣсть, за что только цѣпляется, а тутъ, подлость-то всю мужнину увидѣвъ, и совсѣмъ нонъ изъ тѣла вылетитъ.

Больная она, да хвораая... А развѣ самъ Трофимъ захирѣть не можетъ? Все отъ Бога и все въ его власти... И слѣдовало-бы брату его помнить, а онъ и ухомъ не ведетъ...

Удастся такой счастливый часокъ, и Петръ говоритъ — не наговорится съ Марьей Петровной.

„Вотъ-бы мнѣ такую жену, — думаетъ онъ, слушая тихія, ласковыя рѣчи своей собесѣдницы, — зажмуря глаза бы женился... Да нѣту такой!“

Перебираетъ онъ въ умѣ всѣхъ старообрядокъ-невѣстъ, которыя ему, какъ свои пять пальцевъ, извѣстны, и ни одной не находитъ по сердцу: улыбаются по заказу, слова роняютъ по приказу, а душа — потемки, словно она въ кованомъ сундукѣ за пятью замками лежитъ...

— Не родилась, видно, твоя невѣста-то! — шутливо иногда говорилъ ему братъ Трофимъ. — Та нехороша, эта не въ совѣсть... Что-жъ: у никоніанъ выборъ больше, женись на табашницѣ-щепотницѣ и разводи еретиковъ!..

Петръ молча слушалъ брата и думалъ невеселую думу...

Вотъ и всѣ они такіе древлепрепрославленные: одна брань на языкѣ, а сами что дѣлають?

Вонъ, хотъ-бы ихъ приказчикъ Евстигней Карповъ: кадило въ моленной раздуваетъ и чаще всѣхъ лбомъ объ лобъ стучается; поздороваётся съ никоніанцемъ, такъ сейчасъ жеруки бѣжитъ мыть, потому осквернился чрезъ прикосновеніе, а самъ напивается до безчувствія и корешки въ печной отдушникъ курить... Курить и всѣхъ російскихъ „проклятыми табашниками“ ругаетъ!..

Лицемеріе въ душѣ и гнусная неправда на языкѣ.

А ихъ духовенство? И оно отъ паствы особнякомъ живетъ, и паства его въ грошъ не ставитъ: зовутъ на „требы“, а совершилъ нужное и ступай съ Богомъ. Да иначе и быть не можетъ: не понравился почему-либо лже-попъ богачу-старобрядцу, беретъ онъ своего приказчика, а то и просто фабричнаго мастера, который ему поклонами да рабской лестью угодилъ, тащитъ его къ лже-„владыкѣ“ и говоритъ ему:

— Ставь его въ попы, а твоего отца Спиридона я не желаю!..

А тому что: не ссориться же изъ - за такихъ пустяковъ со столпомъ древляго благочестія, а то, пожалуй, изъ лже-„владыкѣ“ вылетишь!

Пробовалъ-было Петръ съ однимъ изъ такихъ лже-поповъ по душѣ поговорить, о правдѣ мірской и совѣсти людской, такъ тотъ, вмѣсто отвѣта, предложилъ ему по саду прогуляться...

— Не въ порядкѣ у тебя, Петръ Акимовичъ, голова... Въ большемъ порядкѣ... Поди, провѣтрись на чистомъ воздухѣ!

Текли годы... Умерла мать Петра и, умирая, шептала ему, какъ на духу, свою исповѣдь. .

И Петръ пересталъ мечтать. Пересталъ онъ также и уважать то, что ему было дорого.

Да и есть-ли люди, которые стоятъ уваженія? Только одна, развѣ, Марья Петровна, да и та съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ все ближе и ближе приближается къ могилѣ.

Что будетъ съ нимъ, когда она умретъ? Все ему постыло, всѣ ему чужіе,—ни отклика на ласку не дождется ни отъ кого, ни сочувствія на душевныя рѣчи... Всякій въ жизни свои цѣли преслѣдуетъ и въ каждомъ видитъ если не врага, то человека, способнаго своему ближнему сдѣлать всякую гадость.

Петру становилось жутко. Онъ вскакивалъ со своей постели и бѣжалъ къ Марьѣ Петровнѣ, чтобы разсѣять свои мрачныя мысли.